

**Застолье по-русски:
вербальное воплощение праздничного сценария***

Ирина Шалина

Уральский федеральный университет,
Екатеринбург. Россия

Russian Feast: The Verbal Realisation of the Celebration Script

Irina Shalina

Ural Federal University,
Yekaterinburg, Russia

This article describes the cultural script of the Russian feast. The author refers to texts of conversations recorded using the participant observation method and reflecting the communicative-speech interaction of the speakers of the Ural urban vernacular. The method of script analysis makes it possible to consider a feast as a communicative event, structure it, present it as a sequence of episodes, and open up the possibility for its holistic description. Hospitality is considered a distinctive feature of the Russian national character, the basic value of Russian culture. A feast as a meeting of people on a festive occasion, accompanied by a meal and alcohol, reflects not only typical actions but also typical value ideas, norms, and attitudes of the carriers of the national-cultural community revealed in the process of feast communication. The article consistently examines the supporting links of the cultural script: preliminary preparation for a feast, receiving and honouring guests, refreshments, and conversations at the table. The author describes the role rights and obligations of the hosts and guests, identifying some situational and behavioral attitudes confirming the values of cordiality, hospitality, communicative hedonism, and socio-centricity. Of particular interest is the linguoculturological analysis of table conversations and toasts of the speakers of the Ural vernacular. It reveals the significance of such cultural constants as family, home, work, and “one’s own”. The cultural peculiarities of colloquial communication are manifested

* *Citation*: Shalina, I. (2023). Russian Feast: The Verbal Realisation of the Celebration Script. In *Quaestio Rossica*. Vol. 11, № 1. P. 258–276. DOI 10.15826/qr.2023.1.788.

Цитирование: Shalina I. Russian Feast: The Verbal Realisation of the Celebration Script // *Quaestio Rossica*. 2023. Vol. 11, № 1. P. 258–276. DOI 10.15826/qr.2023.1.788 / Шалина И. Застолье по-русски: вербальное воплощение праздничного сценария // *Quaestio Rossica*. 2023. Т. 11, № 1. С. 258–276. DOI 10.15826/qr.2023.1.788.

in the detabooing of topics related to the physiological needs of a person, in the openness of one's own and others' personal space, the inalienable right to an emotional and evaluative interpretation of speech-behavioural reactions of members of "one's circle". The organic nature of the cultural script rests on jokes, general laughter reactions, and carnivalisation of speech behavior. The integrative function of the identified attitudes ensures the harmonisation of the participants' speech behaviour in the feast.

Keywords: linguoculturology, script analysis, vernacular culture, cultural script, value orientation, communicative hedonism

Статья посвящена описанию культурного сценария русского застолья. Материалом исследования послужили тексты-разговоры, записанные методом включенного наблюдения и отражающие коммуникативно-речевое взаимодействие носителей уральского городского просторечия. Пример сценарного анализа позволяет рассмотреть застолье как коммуникативное событие, структурировать его, представив в виде последовательности эпизодов, и открывает возможность его целостного описания. Гостеприимство считается отличительной чертой русского национального характера, базовой ценностью русской культуры. Застолье как встреча людей по какому-либо праздничному поводу, сопровождаемая приемом пищи и алкоголя, отражает не только типовые действия, но и типовые ценностные представления, нормы и установки носителей национально-культурного сообщества, выявляемые в процессе застольного общения. В статье последовательно рассматриваются опорные звенья культурного сценария: предварительная подготовка к застолью, прием и чествование гостей, угощение, застольный разговор. Описаны ролевые права и обязанности хозяев и гостей, выделен ряд ситуативных и поведенческих установок, подтверждающих ценности радушия, хлебосольства, коммуникативного гедонизма, социоцентричности. Особый интерес представляет лингвокультурологический анализ застольных разговоров и тостов носителей уральского просторечия. Он выявляет значимость таких культурных констант, как семья, дом, труд, «свой». Культурная специфика просторечной коммуникации проявляется в детабуизации тем, связанных с физиологическими потребностями человека, в открытости своего и чужого личностного пространства, неотъемлемом праве на эмоционально-оценочную интерпретацию речеповеденческих реакций членов «своего круга». Органичность культурного сценария обеспечивается шутками, общими смеховыми реакциями, балагурством, карнавализацией речевого поведения. Интегративная функция выявленных установок обеспечивает гармонизацию речевого поведения участников застолья.

Ключевые слова: лингвокультурология, сценарный анализ, просторечная культура, культурный сценарий, ценностная установка, коммуникативный гедонизм

Ни одна культура немыслима без праздника, коллективного или личного, и без объединения людей в традиции застолья как кульминации праздничных настроений. В сознании и поведении «человека празднующего» воплощаются такие свойства праздника, как игра, пиршество, удовольствие, обжорство, тяга к алкоголю, телесная раскрепощенность, наслаждение.

Изучение феномена праздника, составной частью которого является пиршество, в социально-гуманитарных исследованиях включает в себя традиции античных времен [см.: Вереитинова; Кайуа; Некрылова; Хренов; и др.]. Застолье рассматривается продуктивно как архетипический обряд включения чужестранца в круг своих и тем самым «обезвреживания»; как механизм обновления социальных связей членов коллектива; как «лично окрашенное ритуализированное действие» [Капкан, с. 40], характеризующееся проявлением праздничного мироощущения, дающего выход стихии эмоционально-чувственного; как временное освобождение от структурированности повседневного жизненного мира и всякой утилитарности, преодоление рутинного существования трудовых будней.

В лингвистическом аспекте изучаются семантическая структура трапезы, ритуальная коммуникация и присущая ей знаковая функция пищи; описывается национально-культурная специфика концептосферы «Гостеприимство», в которую органично встраивается обильный стол; выявляются способы карнавализации речевого поведения [Гридина; Традиционное русское застолье; Кабакова; Мухина; Пьянкова].

Взгляд на коммуникативное событие застолья в деятельностно-поведенческом аспекте (ср.: «Пиршественная церемония разворачивается...» [Хренов, с. 284]; «Само застолье построено сюжетно» [Щепанская, с. 53–54] и под.) позволяет провести его динамическое измерение, выделив упорядоченную последовательность действий и представив в виде культурного сценария как унифицированной конструкции хранения информации о типовой ситуации. Лингвокультурологическая специфика сценария определяется его способностью отражать не только типовые действия, но и типовые ментально-ценностные установки и предписания, прагматическую специфику коммуникативного поведения представителей национально-культурной общности [Вежбицка; Шмелев] (о методике лингвокультурологического анализа см.: [Матвеева; Вепрева, Шалина, Матвеева; Ценностное содержание]).

Реконструкция художественно репродуцированной реальности не всегда позволяет составить целостное представление о национально-культурной специфике ситуации застолья (опыт реконструкции сценария застолья в Англии см., например: [Береснева]). Наше исследование строится на материале живой разговорной речи носителей уральского городского просторечия, записанной методом «скрытого диктофона» и переведенной на письменные носители [см.: Живая речь; Ценностное содержание]. Расшифровка звучащей речи сделана с опорой на методику оформления разговорных

текстов, принятую в отечественной коллоквиалистике [Русская разговорная речь]¹.

Тексты-разговоры предваряются описанием ситуативного контекста, позволяющего обозначить некоторые данные языкового паспорта участников (пол, возраст, профессиональная принадлежность, родственные связи) и пространственно-временные рамки взаимодействия.

Абстрагируясь от языковых неправильностей, в целом свойственных речи носителей городского просторечия (в реальном коммуникативном взаимодействии «коэффициент просторечности» индивидуально варьируется» [Китайгородская, с. 162]), продуктивнее рассматривать городское просторечие как «особый языковой, ментально-психологический и социальный мир, имеющий своеобразный кодекс речевого поведения» [Земская, с. 243]. Взгляд изнутри позволяет сосредоточиться на описании неформального, непринужденного общения заключенных в географические, темпоральные, социальные границы людей, опирающихся на усвоенные в просторечной среде нормы и ценности, ролевую иерархию, коммуникативные права и обязанности. Анализ ситуации застолья в разных микроколлективах (друзья, родственники, сотрудники), с одной стороны, выявляет варианты реализации отдельных звеньев сценария, с другой – его опорные константные характеристики.

Сценарий праздничного застолья

Застолье определяется как 'праздничный стол, угощение, а также (*собир.*) сидящие за праздничным столом' [МАС, с. 576]; 'коллективная встреча с трапезой, пиршество, приглашение на обед' [ТСРЯ, с. 266]. В структуру застолья включается ролевое участие: тот, кто, проявляя инициативу и активность, приглашает на трапезу, организует встречу и праздничный стол, угощает, и тот, кто принимает приглашение и угощение; помещение, предназначенное для трапезы, стол и стулья; объект угощения; повод для совместной встречи; время, запланированное на встречу с гостями и трапезу. Эта ситуация объективирует комплекс факторов, оказывающих влияние на протекание события: условия и тип коммуникативного взаимодействия, статусно-ролевые характеристики его участников, стратегии и тактики их речевого поведения.

Застолье не возникает спонтанно, к нему готовятся заранее: покупают продукты, напитки, подарки. Календарный или групповой

¹ Фиксируются некоторые особенности особенности звучащей разговорной речи: случаи фонетического эллипсиса (*ваице*); отклонения от аксиологической нормы (*рбстили*); «чёканье» (*чб*). Чужая речь, передаваемая коммуникантами, заключается в кавычки. Аналогом знаков препинания на границе фраз (кроме знаков вопроса и восклицания) служит символ //, а на границе синтагм – символ /. В круглых скобках обозначаются сопровождающие разговоры невербальные маркеры (например: *Все смеются*) и ремарки (например: *Зачитывает стихи*). В квадратных скобках даются необходимые для понимания смысла высказывания комментарии [начальник цеха А. М. – И. Ш.].

праздник, отмечаемый в профессиональном/дружеском кругу, предполагает складчину – ‘внесение по взаимному уговору денег или продуктов на к-л. общее дело его участниками’ [ТСРЯ, с. 887]. Приведем фрагмент диалогического взаимодействия, репрезентирующий сцену подготовки к застолью, своего рода пролог события.

Участники: М. (25 лет) и А. (26 лет), слесари-наладчики цеха высокоточного оборудования Первоуральского новотрубного завода, обсуждают предстоящее празднование бригадой, в составе которой есть женщины, 8-го Марта². В разговоре участвует начальник цеха А. М. (45 лет).

М. Ну чё? Скоко собирали?

А. Потом соберем // Скоко истратим // На подарки / на пироги / да пара цветков // А тыщ по пятнадцать собирать придется // Пятнадцать человек нас // Ну считай // С полочки будут высчитывать //

М. А чё три подарка? У нас же две женщины?

А. А уборщице? На пироги щас сотня уйдет // На вино сотня //

М. А-а-а // Я предлагаю портвейн ваще не брать // Толку-то? Кто его пить будет? Там понюхать токо // Понюхать можно и спирт достать //

А. Чаю надо взять // «Липтона» // Да Сафронов [начальник цеха А. М. – И. Ш.] поздравит //

М. Он поздравит / у него талант оратора // Опять «За производственные успехи» скажет // Лучшие бы им купили набор сковородок // Пийсят тыщ // Большая / средняя и маленькая //

(Входит начальник А. М.)

М. (обращается к А. М.) Я предлагаю вино ваще не брать // Чаю взять / воды там / минералочки / газировочки //

А. М. Не / лучше бутылку шампанского //

М. Ну шампанского чисто символически / ноздри замочить //

А. М. Хм / я не возражаю // Как коллективу нравится / так и хорошо //

[Живая речь, с. 186–187].

В сцене точно обозначены звенья сценария предстоящего застолья, отвечающего коллективным ролевым ожиданиям: официальная часть (начальник *поздравит*, вручит женщинам *цветы, подарки*) и неофициальная часть (*пироги, чай, вино*). Гендерную специфику диалогического взаимодействия отражает цепочка номинаций «алкогольной» семантики: *вино, портвейн, шампанское, спирт*. «Согласная» речевая реакция (*шампанского...ноздри замочить – я не возражаю*) обусловлена символической функцией шампанского как «вина праздника»: ритуал открытия бутылки,

². Разговор записан в 2009 г. Место записи – подсобное помещение цеха высокоточного оборудования Первоуральского новотрубного завода (ПНТЗ).

легкая степень изменения психофизиологического состояния создают позитивный праздничный настрой, предвкушение чудесного. Коммуникативный лад речевого взаимодействия обеспечивается презумпцией значимости мнения коллектива: *Как коллективу нравится / так и хорошо //*

Представим фрагмент диалогического взаимодействия родственников, занимающихся подготовкой к празднованию 9-го Мая.

Л. (42 года), кладовщица; Н. (45 лет), сестра Л., не работает; Д. (20 лет), студентка, дочь Л.; А. (44 года), стропальщик, муж Л.

Л. *На кусочки разрубить топориком / да ведь? Один режет / другой рубит //* *Щас их отрубим / раз-раз-раз //* *Господи / ну думаю / у себя не купили / поехали тогда к ним / у них купим //* *В один магазин заехали / нет окороков / во второй / цена обалденная / и вот уже ближе к вам их купили //*

Н. *Жопы-то кошке //*

Д. *Зачем жопы-то отрезать? Они же вкусные / <...> это деликатес у кого-то //*

(Л. и Н. смеются)

Л. *Давай такой салат сделаем и такой?.. В один салат огурцы / картошечки / помидорчики //*

Д. *А зачем картошки в салат?*

Н. *Лучше будет //*

Д. *Порнографический салат получится / помидоры / огурцы и картошка //*

А. *И селедка еще //*

Н. *Нормальный!*

Л. *Режьте колбаску / курицу //* <...> (Обращается к Д.) *Рыбку-то эту почисти и потом по краям тарелки выложим //* *А картошку / заправленную маслом и зеленым лучком / всё перемешаем и выложим посередине тарелки //* *Так / это давай тоже выкинь / на / воду налей //* (далее рассказывает о том, как провели время с друзьями за шашлыками) *... они пришли к нам //* *Она взяла холодца / курицы и короче / пока наша жарилась / ее подсолили //* *Сделала такое большое блюдо пирогов / потом картошки пожарили / она принесла холодец / чё еще-то? А-а-а / огурцы еще //* *Салаты сделали / всё смолотили //* *Пива-то скоко было выпито ... У нас первого был день открытых дверей //* *Мы стол вытащили в огород //*³

[Ценностное содержание, с. 42–45].

За женщиной по традиции закрепляется роль хлебосолки, хозяйки, заботящейся о приготовлении вкусных и разнообразных блюд, об эстетике праздничного стола, щедром угощении. Фокуси-

³ Разговор записан в 2015 г., место записи – г. Камышлов, Свердловская обл.

рование Л. на координации предметно-практической деятельности речевых партнеров (приготовлении блюд и украшении стола) обусловлено регулятивной интенцией, реализуемой посредством глагольных побудительных форм: *один режет / другой рубит, давай сделаем, режьте, почисти, выложим, перемешаем, выкинь, налей*. Фрагмент диалога демонстрирует коммуникативную солидарность опытных хозяек в оценке вкусовых качествготавливаемых блюд: в роли маркеров согласия/несогласия с мнением коммуниканта выступают оценочные слова: (о салате) *нормальный, порнографический*. Включенный в речевую партию Л. рассказ о приготовлении обильного угощения к дружеской вечеринке (*большое блюдо пирогов; принесла холодца, курицы и под.*) подтверждает наблюдения ученых о «лингвистически отмеченной» тяге к крайностям, «чрезмерности/безудержности» [Плунгян, Рахилина, с. 344], воплощаемой в такой русской черте, как хлебосољство: «„центробежность“, отталкивание от середины: это и есть то единственное, что объединяет щедрость и расхлябанность, хлебосољство и удаль, свинство и задушевность» [Там же]⁴.

Культурный сценарий застолья строится на базовой ценностной установке «гостей нужно радушно принять и обильно угостить», нарушение которой осуждается. Так, Н. вспоминает о скудном столе, скупости и недальновидности хозяйки, пригласившей гостей на день рождения:

Н. *«Завтра приходите на день рождение» //... ну и чё / пришли // Стоит тарелка / ну и всё // Сделали салат «Оливье» / короче / второй салат чё-то там кукуруза и рис / яйцо / крабовые палочки и чё-то там еще // Народу много / всего два салата / ну / думаю / ни хрена / чё жрать-то? Потом пельмени несет / тарелка вот такая (показывает руками) / но только неглубокая // И неполная / короче каждому по шесть-семь пельменей // Ленка пришли за стол / а на столе-то уже ничего нет / и так шесть часов сидели / ну кого там / тарелка салата... Начали чай пить / было полрулета и кексик какой-то маленький / разрезанный на части // и всё на такую толпу // А больше и нету к чаю // Ой / ну блин / сходили на именины //⁵*

[Ценностное содержание, с. 46–47].

Парадигматически организованные лексико-грамматические единицы с семантикой количества вступают в оппозитивные от-

⁴ Идея национальной тяги к крайности, экстремальному проявлению какого-либо качества, согласно данным Национального корпуса русского языка, обозначена также фразеологизмами *пир горой, широкий жест*; эпитетами *широкое, гипертрофированное гостеприимство* и под. Ср. также положительно окрашенное окказиональное образование *толстотрапезная гостьба*: «Начали гулять по-вашему, теперь гульнем по-нашему. Угощайтесь да пейте русским обычаем. Наша гостьба толстотрапезная, не то что ваша – одно лишь питьё с кукуреканыем» (Ю. П. Герман. Россия молодая. Часть первая (1952)) [НКРЯ].

⁵ Разговор записан в 2015 г. Место записи – г. Камышлов, Свердловская обл.

ношения: тарелка салата, неглубокая, неполная, всего два салата, шесть-семь пельменей, полрулета, кексик, маленький, разрезанный на части ↔ такая толпа, народу много, шесть часов (сидели). Поведенческая установка хозяйки «Если можешь – сэкономь на угощении» вызывает ментальное напряжение рассказчицы (ну / думаю / ни хрена / чё жрать-то?), выраженное саркастически: Ой / ну блин / сходили на именины //

Начало застолья вариативно. Обычно оно открывается «первой рюмкой» и первым тостом, в котором вербализуется собравший людей повод. Приведем фрагмент речевого взаимодействия рабочих (начало диалога см. выше). Участники: А. М. (45 лет) – начальник цеха; Т. В. (53 года) и В. Р. (45 лет) – учетчицы, М. (25 лет) и А. (26 лет) – рабочие. Действие происходит за праздничным столом⁶.

Роль виночерпия – ‘в древности особое (должностное) лицо, которое ведало напитками, разливало и подносило их пирующим’ [ТСРЯ, с. 93] – традиционно закрепляется за мужчиной. Об этом свидетельствуют инициальные речевые тактики призыва, просьбы, предложения, открывающие корпоративное застолье. Приведем выборку: А. М. Олег / ну или Максим / бутылку открывайте //; Максим / наливай всем //; Женщинам надо добавить //; М. Чё это ты так мало наливаешь? Олегу не налили еще //; А. Вон Валера под самый верх залил //. Приглашенные сотрудницы помогают разрезать пироги, по-матерински заботятся о том, чтобы никто из сидящих за столом не был обделен: Т. В. Юра / чё тебе достать?; А вот любишь краешек / нет?; На тебе ложечку / Максим / я как мама за тобой поухаживаю //; Виктор Федорыч / чё мало кушаете? [Живая речь, с. 155–160].

Сотрапезники действуют в соответствии с внутрикультурным стереотипом, выполняющим интегрирующую функцию: Сначала надо выпить / потом есть //. Коммуникативное право на тост – короткую застольную речь с пожеланием ч-л., предложением выпить вина за кого-что-л. [ТСРЯ, с. 992] – в профессиональном микроколлективе обычно делегируется носителю высокого социального статуса, например, руководителю коллектива, либо определяется ситуативно.

А. М. Ну что / уважаемые женщины / наступил ваш день //

Т. В. Наконец-то / так ждали //

А. М. Разрешите вас поздравить с наступающим праздником / Днем 8-го Марта / Днем международной солидарности // Пожелать вам всего самого-самого хорошего в жизни // Цветы чтобы были у вас на столе / счастья / удачи вам // И чтобы любимые мужчины вас никогда не забывали //

Т. В. Спасибо //

А. М. Примите от нас по букетику //

⁶ Разговор записан в 2009 г. Место записи – подсобное помещение цеха высокоточного оборудования ПНТЗ.

Т. В. Спасибо / Сан Михалыч // Вы всегда нас балуете //

А. М. Для того вы у нас есть // И еще по... (Смотрит на коробки конфет, обращается к одному из рабочих) Обои давай неси // Давайте выпьем за наших женщин!

Т. В. Давайте чокнемся //

М. Да мы уже чокнутые //

(Все чокаются)

М. Да / загремели стаканюги //

В. Р. А как без этого?⁷

[Живая речь, с. 155].

Композиционная рамка застольной речи включает обращение (*уважаемые женщины*), обозначение календарной даты (*ваш день, день 8-го Марта*), поздравление (*Разрешите вас поздравить с наступающим праздником*), развернутое благопожелание, финальную резюмирующую формулу-призыв (*Давайте выпьем за наших женщин!*). В сцене поздравления имплицитно драматургия тоста: *Давайте выпьем – Давайте чокнемся – Загремели стаканюги*. Диалогический фрагмент завершается этикетной рефлексией адресата: *Спасибо / Сан Михалыч // вы всегда нас балуете //*

В отличие от официального поздравления, не выходящего по своему содержанию за пределы жанрового стандарта, в сочиненном поздравительном тексте **З. С.**, приглашенной на празднование золотой свадьбы друзей, ретроспективно очерчивается жизненный путь юбиляров, представляющийся носителям просторечной культуры эталонным.

З. С. (74 года), пенсионерка, бывшая работница завода «Электроавтоматика».

З. С. Слушайте внимательно / обращаюсь // Дорогие Ира и Юра! Мы на это имеем полное право / мы знакомы с детства // (Зачитывает стихи)

*С вашим славным юбилеем поздравляем от души /
Несмотря на все преграды / до сих пор вы хороши!
Желаем здоровья и счастья лукошко /
По жизни по вашей пройдемся немножко //*

Детство убежало / юность пролетела //

Сердце молодое влюбиться захотело //

Приглянулись / сговорились / полюбили / поженились //

Есть у нас три завета / всё вы выполнили это //

*Возвели сначала дом / посадили садик /
Ну а дальше / детишек народили //*

*Пока детишек ростили на славу и на радость /
Внучата появились //*

⁷ Разговор записан в 2009 г. Место записи – подсобное помещение цеха высокоточного оборудования ПНТЗ.

В хлопотах / заботах / годочки пролетели //
Как-то незаметно височки поседели //
Родителям вашим низкий поклон /
За то / что сидим мы за этим столом!

С огромным уважением
деревенские подружки детства / юности /
*и всей нашей жизни / Фая Исакова и Зина Попова //*⁸

Антропологичность жизненного времени, ассоциирующегося со значимыми для человека событиями, обозначается прямыми и косвенными языковыми средствами. *Сердце молодое* – это время расцвета, пора влюбленности, проектирования будущего, «примерки» новых ролей (косвенно обозначены роли жениха и невесты, затем – мужа и жены). В ходе развития событийного ряда «от знакомства к браку» точно выделяются экспозиция, завязка, развитие действия, кульминация и развязка: *Приглянулись / сговорились / полюбили / поженились*. Этическая основа брака – любовь. Материальный достаток молодоженов не обсуждается. Зрелость – пора осуществления строительства дома, рождения и воспитания детей, каждодневного труда, направленного на получение материальных и духовных благ. Старость – время подведения жизненных итогов, заботы о внуках (косвенно обозначены роли бабушки и дедушки). Динамика жизненного пути передается с помощью переносных словоупотреблений (*детство убежало; юность пролетела*), глагольных однородных рядов (*выполнили, возвели, посадили, народили, росли* и др.), лексических единиц темпоральной семантики (*сердце молодое, височки поседели*). В соответствии с представлениями коммуникантки полнота жизни обеспечивается активным трудом и семейным счастьем: нравственные концепты *труд, жизнь, семья* осмысляются в границах эквиполентных отношений.

Культуроспецифичность *трех заветов*, то есть ‘наставлений, советов последователям, потомкам’, маркируется словоформой *у нас*, в данном случае – у тех, кто не утратил связи с деревенской культурой, сохранил ее заветы на всю жизнь. Ср. идентификационный маркер *деревенские*, подчеркивающий значимость социокультурной общности: *деревенские подружки детства / юности / и всей нашей жизни*. Выделяемые в тексте ценностные объекты выполняют функцию культурных констант. *Дом* предстает оплотом хозяйственной и нравственной жизни семьи. *Садик* символизирует результаты труда, возможность пользоваться полученными благами, красоту жизни. *Детишки (внучата)* – залог продолжения рода, *слава и радость* матери и отца. *Родители* – еще одна культурная константа. Они дают жизнь, являются символом защиты, помощи, духовного покровительства. Не случайно слово *родители* помещается в коммуникативно сильную позицию

⁸ Разговор записан в 2016 г. Место записи – дер. Курманка Белоярского р-на Свердловской обл. Запись хранится в личном архиве автора статьи. – И. Ш.

(конец поздравительной речи). Жест *низкий поклон* символизирует идею уважения и почитания родителей.

Согласно общекультурному сценарию, гость не должен оставаться голодным. На хозяев возлагается обязанность следить за тем, как и сколько гости едят, подкладывать еду в тарелки, упрашивать попробовать все приготовленные блюда. Ср. стимулирующую действия гостей развернутую реплику **Ф. Ю.**, дочери юбиляров, организатора золотой свадьбы родителей. **Ф. Ю.** (54 года), медсестра. Глагольные императивы регламентируют поведение присутствующих: *от тарелок не отрывайтесь, кушайте, ложьте салаты / закуски / в рюмки наливайте:*

Ф. Ю. *Давайте /дорогие гости / от тарелок не отрывайтесь / кушайте / ложьте салаты / закуски / в рюмки наливайте / а я познакомлю всех между собой / потому что есть люди / которые друг друга не знают // Чтобы удобнее было общаться // Со стороны юбиляра по порядку начнем // рядом с мамой ее брат / Сан Саныч // Аля / мамина племянница // Халида и Галей / племянник и жена // Наши сваты Виктор Николаич и Лидия Иванна // Фаина Петровна / это самая закадычная подружка / в честь которой меня назвали Фаей // А у Фаины Петровны есть дочка / ее зовут как маму / Ирина // Еще рядом Зинаида Степанна / тоже мамина подруга деревенская // Внук Радик / внучка Любаша наша // Это подруга невесты / руководительница по хору / Витина одноклассница и моей подружки сноха / Надежда Борисовна // Это мой муж Гена // Здесь папины племянницы // Я так понимаю / что все познакомилась // Ну / за знакомство давайте по рюмочке... //*⁹

Обращает на себя внимание малая парадигма единичных и формульных номинаций кровных и некровных родственников, друзей, связанных общностью увлечений, знакомых (*брат, мамина племянница, закадычная подружка, внук* и др.), передающая идею совместности, свидетельствующая о ценности «своего круга». Модус «своего» становится фактором открытости личного пространства. Установка на общение, коммуникативный комфорт (*Чтобы удобнее было общаться*) подтверждает идею ценности застолья как способа реализации кооперативной коммуникации, сокращения психологической дистанции и интимизации общения.

В анализируемом выше корпоративном застолье инициатором вовлечения рабочих в общий разговор становится одна из приглашенных женщин, которая стимулирует речевые реакции присутствующих вопросами, просьбами, запросом мнения:

Т. В. *Ну чё / Максим / давай лапши на уши вешай //; Давай анекдоты травя //; Расскажи нам про праздник / чё мы празднуем? Не угнетай наше настроение / давай чё-то другое / праздничное //; Федорыч помалкиват / сидит чё-то свои думы думает?*

[Живая речь, с. 159–167].

⁹ Разговор записан там же. Запись хранится в личном архиве автора статьи. – И. Ш.

Политематичность как важнейшая характеристика непринужденного межличностного общения проявляется в просторечной коммуникации, например, снятием ряда тематических табу: за столом обсуждаются физиологические потребности, случайные связи женатого мужчины / незамужней женщины и др. Как показывает речевой материал, разговоры и шутки на сексуальные темы, особенно в ситуации застолья молодых носителей просторечной культуры, становятся психологическим основанием близости и доверия членов «своего круга». Граница этически допустимого расширяется. Ср. высказывания из застольного разговора подруг А. (23 года, менеджер), Б. (28 лет, безработная), Г. (21 год, учащаяся педагогического колледжа). Каждая из коммуниканток вносит вклад в разработку эротической темы:

А. Ты када в последний раз одна спала? Это я тут по жизни одна сплю //; Меня все устраивает / я отрываюсь / я расслабляюсь с ним / я наконец-то до секса дорвалась //; **Б.** Ну я у нее спрашиваю / «А чё ты с ним живешь»? Она мне / «...потому что он мой первый мужчина / у меня больше кроме него никого не было» // А я спрашиваю / «И часто у вас там секс бывает»? Она / «Раз там в месяц» //; **Г.** Крошка сын к отцу пришел и спросила кроха / «Пися в попу хорошо»? «Да / сынок / неплохо» //¹⁰

Приведем пример обсуждения за праздничным столом темы добрачной связи отсутствующего рабочего Васи (участники диалога – рабочие **В.** (45 лет), **Ю.** (28 лет), **Д.** (25 лет), **М.** (25 лет), начальник цеха **А. М.** (45 лет), учетчицы **Т. В.** (53 года) и **В. Р.** (45 лет)):

Д. Как его сюда занесло?

В. Р. Служил в армии // С девкой //

Т. В. Спортил девку тут // Мы его уже ругали // Ходили они в увольнение на танцы // (Смеются)

В. Дак может девка его спортила?

Т. В. Нет / он ее. // Она молоденькая очень была / а он ушлый //

В. Р. Он ее намного старше / и обманул девку //

Ю. Пришлось остаться //

Т. В. Нет / он уехал / она за ним поехала и привезла его сюда // Их в горисполкоме дедка списал //

В. Р. Дедко пришел и нам все долбжил // Он сказал / что я замаялся с ними //

А. М. А Вася-то связанный был / нет? Када списывали?

М. Вася-то глупый / оставил все координаты //

(Смеются)

В. У нас в армии хорошо было // Ротный сразу / «Чтобы адреса никому не давать» //

М. Он сам признался / что он спортил?

¹⁰ Разговор записан в 2018 г. Место записи – Екатеринбург, дом Г. Запись хранится в личном архиве автора статьи. – И. Ш.

В. Если бы не спортил / щас бы все еще ходила //
Д. Вот дурак / блин // Она воспользовалась ситуацией / и Вася попал //
Т. В. Да / он нам рассказал // А мы его воспитываем //... А-а-а / вон сидит (Показывает на **В.** и смеется) // Тоже девку спортил //
В. Я ничё не говорю // Через горисполком списывался // Все в свое время спортили. Поднимите руку / кто не спортил //...
 (Все смеются)¹¹

[Живая речь, с. 162–164].

Диалогический фрагмент содержит историю любви и женитьбы незадачливого Васи, оценки действующих лиц обсуждаемой истории, общие суждения о сексуальном поведении мужчины. Просторечный глагол *спортить* употребляется в значении 'лишить невинности'. Словосочетание *спортить девку* используется в функции ключевого, причем женщины не пытаются заменить его более мягкими обозначениями. Глагол *списываться* имеет значение 'регистрировать брак'. Хранителем традиционного семейного сценария выступает старший член семейного круга.

Обнаруживаются стереотипные зависимости, за которыми стоит мужской этический кодекс: *спортил девку* – виноват, значит, обязан жениться; если можно скрыть факт прелюбодеяния, сделай это; каждый мужчина в молодости должен *спортить* хоть одну *девку* – это закон природы; *девка* рада первой связи – это для нее возможность выйти замуж; *девка* всегда старается извлечь для себя выгоду – не жалей ее.

Паралингвистические ремарки (общая смеховая реакция) – свидетельство проявления коммуникативного гедонизма, свойственного застольным разговорам. Карнавальный смех, выражающий «радость... физиологического бытия» [Пропп, с. 138], утверждает возможность праздничной свободы и временного раскрепощения. Установка на получение удовольствия, радости от общения реализуется в шутках и анекдотах – типичных застольных жанрах. Так, тема семейно-брачных отношений, развиваемая рабочими на собственных примерах (обсуждаются взрослые дети, теща или свекровь как источник семейного разлада), формирует участки шутливой тональности, ситуацию высмеивания «на миру», объектом которого становятся сами коммуниканты. Участники диалога: рабочие **В.** (45 лет), **М.** (25 лет), начальник цеха **А. М.** (45 лет), учетчицы **Т. В.** (53 года) и **В. Р.** (45 лет).

М. А вот Валера у нас не дед //

В. Не дед / нет // У меня дочь никак не уходит // «Ты мне уже надоела» //

Т. В. Тоже надоел // Младший сын кричит / «Я не буду жениться / ты чё / мамка / ко мне пристала»? Я грю / «Ты чё / до пенсии будешь сидеть»? Уже выгоняю его / выталкиваю / ни в какую // Щас у молодежи все так / живут / а не расписываются //

¹¹ Разговор записан в 2009 г. Место записи – подсобное помещение цеха высокоточного оборудования ПНТЗ.

М. Я не понимаю / Валера / у нее сын / у тебя дочь // Оба выпинывают // Выпинывайте вдвоем //

Т. В. Нет / он ходит с девочкой со школьной скамьи //

А. М. Валера / у нас Максим не женат //

В. Да?

М. Э-э-э / на фиг мне такой родственник!

(Все смеются)

А. М. Денису скоко?

Т. В. Денису двадцать три // У него есть девушка // Я уж его всего испилила // «Ты чё ей мозги / это самое / компостируешь?»

В. В жизни бывает / со школьной скамьи ходят / а женятся на других //

В. Р. Ну а эти ж покупают всё вместе //

М. Ну потом делить будут вместе // Пополам бензопилой //

А. М. Как в том анекдоте // «Вы / grit / чё / с женой помирились? Я смотрел / как вы вчера дрова пилили» // «Не дрова мы пилили / мы мебель делили» //

(Все смеются)¹²

[Живая речь, с. 169].

Общность эмоционально-оценочных реакций (*все смеются*) можно рассматривать как проявление унисонности общения. Показательно, что предметная тема становится полем предъявления бытийных смыслов, сквозь призму бытового проглядывает вселенское: *В жизни бывает / со школьной скамьи ходят / а женятся на других //*. Ср. также: *Тещи-то разные бывают //*; *Там / где две женщины / у одной плиты не сварят / дележка начнется //* [Там же, с. 170].

На общем фоне голосов отчетливо выделяется речевая партия рабочего *М.*, которого можно отнести к кооперативному типу языковой личности и типу весельчака. Речевое поведение *М.* (легкость включения в общий разговор, коммуникативная инициатива в выборе предметной темы, модально-личностное фокусирование, высокая доля фатики, спонтанность балагурства, установка на языковую игру, самоирония) делает его душой компании, например: *Так / ну чё? Песни-то петь будем?; Как / Таисья Васильевна / зайцы поживают? Они у вас наверное всю избушку съели?; У меня есть друг Шура / а у его жены есть шурин / Шурин шурин //*; *Загремели стаканюги //*; (о собственном весе) *Чем больше шкаф / тем громче падать //*

[Там же, с. 160–165].

В заключение остановимся на застольной этикетной коммуникации. В просторечном кругу соблюдается общекультурная конвенция приоритета женщины и старшего по статусу, а в ситуации застолья – приоритета гостя. Нарушение норм ролевого поведения вызывает неодобрение и корректируется мягко или категорично, например:

¹² Разговор записан там же.

Т. В. *А где сахар у вас? С собой что ли мы должны приносить?; Не выступает женщина / молчаливо сидит / дак никто не ухаживает // Это чё такое?; Ну чё / Максим / ухаживай давай за тетей Таей / чаю давай быстро //* [Живая речь, с. 157–162]. Выявляется поведенческая установка «Будешь скромничать за столом – останешься голодным»; «Успевай поесть за праздничным столом»: *Ты поскромничаешь / дак и голодным останешься //; Вот щас наедемся на халяву / придем домой / и готовить ничё не надо //*. Глагол *скромничать* имеет в контексте значение ‘соблюдая этикет, стесняться, проявлять робость, немногословность’ и получает негативные коннотации. Его контекстуальные антонимы – разговорные глаголы *тарахтеть*, *выступать*, то есть ‘активно, энергично высказываться, говорить быстро, без умолку’. Ср.: *Вера / ты чё? Если не будешь выступать / они же не нальют ни за что // Валера / еще чё-то? Ты не стесняйся // Не будешь тарахтеть затрут ить //* [Живая речь, с. 161–163].

Прямооценочность носителя просторечной культуры с точки зрения общекультурных этикетных норм может рассматриваться как проявление невежливости, бесцеремонности, однако в кругу «своих» она не воспринимается как нарушение границ личностного пространства. Ср. диалог, участники: рабочие **Ю.** (28 лет), **М.** (25 лет), учетчица **Т. В.** (53 года).

Т. В. *Юра / тебе еще чё-нить подать?*

Ю. *Я бы щас с капустой //*

М. *Ты чё / козел что ли / с капустой-то есть //*

(**Ю.** не реагирует)¹³

[Живая речь, с. 162].

Рефлексивный характер шуточной оценки следующей ситуации (*Ишь какие хитрые*) вызывает пересечение параметров социальной и персональной дистанции, но оценка не меняет регистра коммуникативной тональности. Участники диалога: начальник цеха **А. М.** – 45 л., учетчица **Т. В.** – 53 г.

Т. В. *Ишь какие хитрые / смотрите-ка // К себе там полбжили пироги // Наш стол совсем оставили без пиров //*

А. М. *Начальство всегда у пирога садится //*¹⁴

[Живая речь, с. 161].

Финальная сцена застолья соответствует общепринятым коммуникативно-этическим нормам, заполняется речевыми формулами благодарности, приглашения и др.:

В. Р. *Ой / ну ладно // Спасибо / мужчины //*

В. *Пожалста //*

Т. В. *Подняли тонус нам //*

¹³ Разговор записан там же.

¹⁴ Разговор записан там же.

М. Не за что // Приходите к нам еще //
В. Р. Ой / ну если пригласите / придем //¹⁵

[Живая речь, с. 178].

Маркером достижения положительного психологического и коммуникативного результата служит микродиалог, получающий унисонную оценочную тональность. Выявляется имплицитная установка на необходимость сохранения и поддержания чувства социоцентрической общности:

А. М. Хорошая у нас традиция / да?
Т. В. Хорошая / это же сближает коллектив //¹⁶
[Живая речь, с. 160].

* * *

Метод сценарного анализа коммуникативного события застолья позволяет выявить опорные сценарные участки, в целом соответствующие общекультурному стереотипу русского гостеприимства. Выявлены следующие эпизоды: предварительная подготовка к застолью; прием и чествование гостей; угощение и употребление спиртных напитков, произнесение тостов, застольные разговоры; благодарность за прием и встречу, прощание. Доминирующий фатический мотив – свидетельство социоцентрического мироощущения коммуникантов, для которых застолье является не самоцелью, а поводом для поддержания коммуникативного контакта и сохранения корпоративной солидарности. Общность ценностных установок (гостеприимство, радушие, хлебосольство, коммуникативный гедонизм) способствует поддержанию статусно-ролевого баланса коммуникации, традиций русского национального гостеприимства, обеспечивает коммуникативный лад и гармонию, объединяет членов коллектива. Малособытийный характер трудовых будней (монотонная работа, дефицит творчества, ограниченность коммуникативных контактов, замкнутость семейного уклада) лишает человека ярких впечатлений. Праздничное мироощущение посредством механизмов трансляции жизненно значимой культурной информации обеспечивает преодоление рутинизации и выход из круга привычного, компенсирует сохранение чувства индивидуальной и коллективной идентичности.

Культурное своеобразие просторечной коммуникации проявляется в открытости и проницаемости своего и чужого личностного пространства, интимизации общения, детабуизации ряда тем. Застольные речи, тосты, анекдоты выявляют такие культурные константы, как семья, дом, труд, «свой круг». Право на эмоционально-личностное самовыражение реализуется в прямооценочности, раздвигающей

¹⁵ Разговор записан там же.

¹⁶ Разговор записан там же.

границы этически позволительного и расширяющей представление о специфике просторечной культуры.

Сценарный анализ застолья показывает, что просторечная культура сохраняет основы русской речевой традиции.

Библиографические ссылки

Береснева Л. В. Языковая реализация сценария застолья и его структура // Вестн. С.-Петербург. ун-та. Сер. 9: Филология. Востоковедение. Журналистика. 2007. Вып. 1. Ч. 2. С. 225–230.

Вежбицка А. Русские культурные скрипты и их отражение в языке // Русский язык в научном освещении. 2002. № 2 (4). С. 6–34.

Вепрева И., Шалина И., Матвеева Т. Русская разговорная речь: аспекты изучения и актуальная проблематика // Quaestio Rossica. 2019. Т. 7, № 3. С. 919–936. DOI 10.15826/qr.2019.3.415.

Веретинова Т. Ю. Праздник как феномен и концепт антропологии культуры // Наука. Искусство. Культура. 2015. № 4 (8). С. 150–167.

Гридина Т. А. Языковая игра : стереотип и творчество. Екатеринбург : Урал. гос. пед. ин-т, 1996. 215 с.

Живая речь уральского города: устные диалоги и эпистолярные образцы : хрестоматия / сост. И. В. Шалина. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2011. 360 с.

Земская Е. А. Язык как деятельность : Морфема. Слово. Речь. М. : Языки славян. культуры, 2004. 688 с.

Кабакова Г. И. Русские традиции застолья и гостеприимства. М. : Форум : Неолит, 2015. 464 с.

Кайуа Р. Праздник // Коллеж социологии 1937–1939. СПб. : Наука, 2004. С. 418–450.

Каткан М. В. Культура повседневности. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2016. 110 с.

Китайгородская М. В. Наблюдения над построением устного просторечного текста // Разновидности городской устной речи / отв. ред. Д. Н. Шмелев, Е. А. Земская. М. : Наука, 1988. С. 156–182.

МАС – Словарь русского языка : в 4 т. / под ред. А. П. Евгеньевой. М. : Рус. яз., 1985. Т. 1. А–Й. 696 с.

Матвеева Т. В. О методе выявления ценностной информации разговорного диалога // Науч. диалог. 2018. № 10. С. 89–101. DOI 10.24224/2227-1295-2018-10-89-101.

Мухина И. К. Русское гостеприимство в когнитивном аспекте // Verbum: язык, текст, словарь : сб. науч. тр., посв. юбилею Л. Г. Бабенко. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2006. С. 198–215.

Некрылова А. Ф. Русские народные городские праздники, увеселения и зрелища : Конец XVIII – начало XX в. СПб. : Азбука-классика, 2004. 254 с.

НКРЯ – Национальный корпус русского языка : [сайт]. URL : <https://ruscorpora.ru/> (дата обращения: 21.08.2022).

Плунгян В. А., Рахилина Е. В. «С чисто русской аккуратностью»: к вопросу об отражении некоторых стереотипов в языке // Моск. лингвистич. журн. 1996. Т. 2. С. 340–351.

Пропт В. Я. Проблемы комизма и смеха. М. : Искусство, 1976. 183 с.

Пьянкова К. В. К вопросу о коммуникативных функциях пищи (на материале славянской культурно-языковой традиции) // Ритуал в языке и коммуникации : сб. ст. / сост. и отв. ред. Л. Л. Федорова. М. : Знак : РГГУ, 2013. С. 337–348.

Русская разговорная речь : тексты / отв. ред. Е. А. Земская, Л. А. Капанадзе. М. : Наука, 1978. 240 с.

Традиционное русское застолье : сб. ст. / сост. А. В. Костина, Л. Ф. Миронихина. М. : Гос. республ. центр рус. фольклора, 2008. 352 с.

ТСРЯ – Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / отв. ред. Н. Ю. Шведова. М. : Азбуковник, 2007. 1175 с.

Хренов Н. А. Застолье в контексте ритуала // Традиционное русское застолье : сб. ст. / сост. А. В. Костина, Л. Ф. Миронихина. М. : Гос. республ. центр рус. фольклора, 2008. С. 272–293.

Ценностное содержание разговорного диалога / отв. ред. Т. В. Матвеева, И. В. Шалина. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2021. 228 с.

Шмелев А. Д. Русский этикет и культурные скрипты: константы и переменные // Ритуал в языке и коммуникации : сб. ст. / сост. и отв. ред. Л. Л. Федорова. М. : Знак : РГГУ, 2013. С. 35–43.

Щепанская Т. Б. Застолье на рабочем месте: символы профессии, репрезентации идентичности // Фольклор малых социальных групп: традиции и современность : сб. науч. ст. М. : Гос. республ. центр рус. фольклора, 2008. С. 50–74.

References

Beresneva, L. V. (2007). *Yazykovaya realizatsiya stsenariya zastol'ya i ego struktura* [The Linguistic Implementation of the Feast Script and Its Structure]. In *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya 9: Filologiya. Vostokovedenie. Zhurnalistika*. Iss. 1. Part 2, pp. 225–230.

Gridina, T. A. (1996). *Yazykovaya igra: stereotyp i tvorchestvo* [Language Game: Stereotype and Creative Work]. Yekaterinburg, Ural'skii gosudarstvennyi pedagogicheskii institute. 215 p.

Kabakova, G. I. (2015). *Russkie traditsii zastol'ya i gostepriimstva* [Russian Traditions of Feasting and Hospitality]. Moscow, Forum, Neolit. 464 p.

Kaiua, R. (2004). Prazdnik [Celebration]. In *Kollezh sotsiologii 1937–1939*. St Petersburg, Nauka, pp. 418–450.

Kapkan, M. V. (2016). *Kul'tura povsednevnosti* [Culture of Everyday Life]. Yekaterinburg, Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta. 110 p.

Khrenov, N. A. (2008). Zastol'e v kontekste rituala [Feasting in the Context of Ritual]. In Kostina, A. V., Mironikhina, L. F. (Eds.). *Traditsionnoe russkoe zastol'e. Sbornik statei*. Moscow, Gosudarstvennyi respublikanskii tsentr russkogo fol'klora, pp. 272–293.

Kitaigorodskaya, M. V. (1988). Nablyudeniya nad postroeniem ustnogo prostorechnogo teksta [Observations on the Construction of an Oral Colloquial Text]. In Shmelev, D. N., Zemskaya, E. A. (Eds.). *Raznovidnosti gorodskoi ustnoi rechi*. Moscow, Nauka, pp. 156–182.

Kostina, A. V., Mironikhina, L. F. (Eds.). (2008). *Traditsionnoe russkoe zastol'e. Sbornik statei* [Traditional Russian Feast. Collection of Articles]. Moscow, Gosudarstvennyi respublikanskii tsentr russkogo fol'klora. 352 p.

MAS – Evgen'eva, A. P. (Ed.). (1985). *Slovar' russkogo yazyka v 4 t.* [Dictionary of the Russian Language. 4 Vols.]. Moscow, Russkii yazyk. Vol. 1. A–I. 696 p.

Matveeva, T. V. (2018). O metode vyyavleniya tsennostnoi informatsii razgovornogo dialoga [On the Method for Identifying the Value Information of a Colloquial Dialogue]. In *Nauchnyi dialog*. No. 10, pp. 89–101. DOI 10.24224/2227-1295-2018-10-89-101.

Matveeva, T. V., Shalina, I. V. (Eds.). (2021). *Tsennostnoe sodержание razgovornogo dialoga* [The Value Content of Conversational Dialogue]. Yekaterinburg, Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta. 228 p.

Mukhina, I. K. (2006). Russkoe gostepriimstvo v kognitivnom aspekte [Russian Hospitality from a Cognitive Aspect]. In *Verbum: yazyk, tekst, slovar'. Sbornik nauchnykh trudov. Posvyashchaetsya yubileyu L. G. Babenko*. Yekaterinburg, Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta, pp. 198–215.

Nekrylova, A. F. (2004). *Russkie narodnye gorodskie prazdniki, uveseleniya i zrelishcha. Konets XVIII – nachalo XX v.* [Russian Folk Town Celebrations, Pastimes, and Spectacles. Late 18th – Early 20th Centuries]. St Petersburg, Azbuka-klassika. 254 p.

NKRYA – *Natsional'nyi korpus russkogo yazyka* [National Corpus of the Russian Language] [website]. URL: <https://ruscorp.ru/> (accessed: 21.08.2022).

Plungyan, V. A., Rakhilina, E. V. (1996). "S chisto russkoi akkuratnost'yu": k voprosu ob otrazhenii nekotorykh stereotipov v yazyke ["With Purely Russian Neatness": On the Reflection of Certain Stereotypes in Language]. In *Moskovskii lingvisticheskii zhurnal*. Vol. 2, pp. 340–351.

Propp, V. Ya. (1976). *Problemy komizma i smekha* [Problems of Comedy and Laughter]. Moscow, Iskusstvo. 183 p.

P'yankova, K. V. (2013). K voprosu o kommunikativnykh funktsiyakh pishchi (na materiale slavyanskoi kul'turno-yazykovoi traditsii) [On the Communicative Functions of Food (with Reference to Slavic Cultural and Linguistic Traditions)]. In Fedorova, L. L. (Ed.). *Ritual v yazyke i kommunikatsii. Sbornik statei*. Moscow, Znack, Rossiiskii gosudarstvennyi gumanitarnyi universitet, pp. 337–348.

Shalina, I. V. (Ed.). (2011). *Zhivaya rech' ural'skogo goroda: ustnye dialogi i epistolarynye obratzsyy. Khrestomatiya* [The Real Speech of the Ural City: Oral Dialogues and Epistolary Samples. Textbook]. Yekaterinburg, Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta. 360 p.

Shchepanskaya, T. B. (2008). Zastol'e na rabochem meste: simvoly professii, reprezentatsii identichnosti [Feasting in the Workplace: Symbols of Occupation, Representations of Identity]. In *Fol'klor malykh sotsial'nykh grupp: traditsii i sovremennost'*. *Sbornik nauchnykh statei*. Moscow, Gosudarstvennyi respublikanskii tsentr russkogo fol'klora, pp. 50–74.

Shmelev, A. D. (2013). Russkii etiket i kul'turnye skripty: konstanty i peremennyye [Russian Etiquette and Cultural Scripts: Constants and Variables]. In Fedorova, L. L. (Ed.). *Ritual v yazyke i kommunikatsii. Sbornik statei*. Moscow, Znack, Rossiiskii gosudarstvennyi gumanitarnyi universitet, pp. 35–43.

TSRYa – Shvedova, N. Ya. (Ed.). (2007). *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka s vklyucheniem svedenii o proiskhozhdenii slov* [Glossary of the Russian Language, Including Information on the Origin of Words]. Moscow, Azbukovnik. 1175 p.

Vepreva, I., Shalina, I., Matveeva, T. (2019). Russkaya razgovornaya rech': aspekty izucheniya i aktual'naya problematika [Russian Colloquial Speech: Aspects of Research and Relevant Issues]. In *Quaestio Rossica*. Vol. 7. No. 3, pp. 919–936. DOI 10.15826/qr.2019.3.415.

Vereitinova, T. Yu. (2015). Prazdnik kak fenomen i kontsept antropologii kul'tury [Celebration as a Phenomenon and Concept in Cultural Anthropology]. In *Nauka. Iskusstvo. Kul'tura*. No. 4 (8), pp. 150–167.

Wierzbicka, A. (2002). Russkie kul'turnye skripty i ikh otrazhenie v yazyke [Russian Cultural Scripts and Their Reflection in Language]. In *Russkii yazyk v nauchnom osveshchenii*. No. 2 (4), pp. 6–34.

Zemskaya, E. A. (2004). *Yazyk kak deyatel'nost'. Morfema. Slovo. Rech'* [Language as Activity. Morpheme. Word. Speech]. Moscow, Yazyki slavyanskoi kul'tury. 688 p.

Zemskaya, E. A., Kapanadze, L. A. (Eds.). (1978). *Russkaya razgovornaya rech'. Teksty* [Russian Colloquial Speech. Texts]. Moscow, Nauka. 240 p.

The article was submitted on 20.09.2022